

3. С. Рябчикова, Соматическая лексика хантыйского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург 2008. 239 с.

26 мая 2008 г. на заседании диссертационного совета Д 212.199.09 при Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена состоялась защита кандидатской диссертации З. С. Рябчиковой «Соматическая лексика хантыйского языка». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т. Н. Дмитриева (Екатеринбург) и кандидат филологических наук М. З. Муслимов (Санкт-Петербург).

Исследование З. С. Рябчиковой удачно заполняет одну из лакун в изучении хантыйской лексики, обобщающих работ по которой до сих пор написано немного, а исследования по отдельным тематическим группам единичны. Хантыйская соматическая лексика, входящая в основной словарный фонд языка, еще не была предметом системного анализа, в связи с чем актуальность избранной темы очевидна. Автор впервые выявляет состав сомонимов хантыйского языка и проводит их комплексное исследование — на уровне отдельного говора, диалекта и языка в целом, а также на обско-угорском, финно-угорском и уральском уровнях. Впервые рассмотрено употребление сомонимов в составе лексики других тематических групп и их функционирование в составе фразеологизмов.

Работа выполнена на обширном материале (около 1500 ед.), собранном в полевых условиях автором и сотрудниками Научного языкового центра Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск), а также извлеченном из лексикографических и письменных источников. Большим достоинством работы является то, что значительная часть анализируемого материала (867 ед.) собрана лично З. С. Рябчиковой, представителем народа ханты, носителем тегинского говора березовского диалекта

хантыйского языка. Целенаправленный сбор материала проводился по специально разработанной методике в течение 10 лет (1998—2007) во время экспедиций автора в места компактного проживания аборигенного хантыйского населения на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Работа с информантами (все они указаны в приложении 1, с. 175—177) позволила выявить анализируемую лексику по пяти современным диалектам: ваховскому, сургутскому, шурышкарскому, казымскому и березовскому на примере тегинского говора.¹

Научная новизна рецензируемого исследования заключается прежде всего во вводе в научный оборот фактического материала по хантыйской лексике и фразеологии, который анализируется в работе и, кроме того, представлен в имеющихся самостоятельную ценность приложениях: приложение 2 — сравнительная таблица соматической лексики в диалектах хантыйского языка (с. 178—224); приложение 3 — таблица по словообразованию прилагательных от сомонимов (с. 225—232); приложение 4 — список зафиксированных автором фразеологизмов, включающих сомонимы, в тегинском говоре березовского диалекта хантыйского языка (с. 233—239).

Работа (объем основного текста — 150 с.) состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка принятых сокращений, а также перечисленных четырех приложений.

Введение (с. 4—18) позволяет судить об актуальности темы, об объекте и предмете исследования, о цели и задачах работы, характеризует материал, методическую и теоретическую

¹ В работе и в настоящей рецензии приняты их обозначения: Вах. Сург. Шур. Каз. Тер.

базу исследования. Как показывает приведенный в конце работы список использованной литературы (216 наименований), автор хорошо знаком с литературой по финно-угроведению, однако хотелось бы заметить, что проработанная литература мало задействована в тексте работы.

Во введении убедительно определяется научная новизна, теоретическая и практическая ценность исследования. Приведены сведения об апробации работы, материалы которой обсуждались на ряде конференций различного уровня, в том числе на IX и X Международных конгрессах финно-угроведов (Тарту 2000; Йошкар-Ола 2005), и опубликованы в статьях.

Здесь же дан краткий обзор литературы по теме, который, на наш взгляд, мог бы быть более глубоким.

Завершается введение параграфом, необходимым для дальнейшего анализа материала — общей характеристикой хантыйского языка и классификациями его диалектов вплоть до нашего времени.

Первая глава (с. 19—78) впервые представляет соматическую лексику хантыйского языка в виде ее семантической классификации, в которой выделяются основные группы: собственно сомонимы (названия, характеризующие части тела), спланхонимы (названия внутренних органов), остеонимы (названия костей), ангионимы (названия, относящиеся к кровеносной системе), сенсонимы (названия органов чувств), в каждой из групп приводятся примеры на все выявленные позиции по пяти диалектам хантыйского языка.

Стремясь к единообразию подачи материала в классификации, З. С. Рябчикова в этой части работы сознательно ориентируется на источники, использующие графику на базе кириллического письма. Свои полевые материалы она также передает здесь с помощью письма на основе кириллицы. При дальнейшем анализе материала во второй и третьей главах предпочтение отдается фонематической финно-угорской транскрипции.

В классификации автор не ставит перед собой задачу показать весь объем выявленной лексики и приводит лишь 273 примера. Но и это описание производит большое впечатление, свидетельствуя о богатстве, многообразии и большой степени детализированности и конкретизации соматической лексики хантыйского языка, хотя некоторые из приведенных примеров, на наш взгляд, все же не обладают достаточной степенью терминологичности.

Каждое многокомпонентное наименование сопровождается дословным переводом, позволяющим понять специфику структуры и семантики хантыйского сомонимического термина. В ряде случаев даются важные смысловые и этнокультурные комментарии, например, в связи с характеристикой 'левый' (с. 22), но иногда их явно не хватает: например, не объясняется мотивировка названий костей щучьей головы, именуемых 'нога лося' ('лось-нога') и 'зуб невестки' (с. 46), последнее имеет помету «фольклорное», но этого явно недостаточно.

Классификация в целом убедительна, но некоторые частности все же вызывают вопросы и замечания. Так, по нашему мнению, неоправданно включены в число сомонимов (группа «названия головы и ее частей») терминны, означающие *слеза* и *слюна* (с. 23, 24), вместе с тем пропущена *борода*, хотя в дальнейшем анализе о ней говорится. Вряд ли стоило брать такой термин, как *пядь* (четверть) — расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами (с. 35), поскольку это мера длины. Очень условно к данной тематической группе отнесено слово, означающее *жир* (с. 36). *Сосок молочной железы* почему-то отнесено к кровеносной системе (с. 51); неясно, каким органом чувств являются *брови*, *усы* (если это не усы животных), *шерсть* и т. п. (с. 53—54). Такие сомонимы, как *глаз* и *ухо* можно рассматривать как части головы и как органы чувств, поэтому они объективно попадают в два раздела класси-

фикации. Однако в раздел 1.4.2 «Названия органов чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания)» включается только *глаз*, а *нос* не упоминается. В некоторых случаях кажется не вполне оправданной логика в последовательности приведения материала, например, непонятно, почему термины, обозначающие части глаза, рассматриваются раньше, чем сам *глаз* (с. 51—52), почему *язычок* и *глотка* рассматриваются после терминов, обозначающих *кишки*, *печень* и *желчь* (с. 42).

Возникает вопрос и о способе дословного перевода хантыйских терминов, реализованном в двух вариантах: а) все компоненты переводятся последовательно, между ними ставится дефис (например, 'правый-лицо-сторона', 'лицо-хороший-сторона'); б) дается связный перевод ('костная нижняя сторона края глаза', 'край глаза нижней стороны', 'начало глаза'). Оба варианта имеют право на существование. Может быть, следовало везде дать связный перевод, а в скобках при необходимости — покомпонентный, но их нельзя совмещать. Покомпонентный перевод не всегда удачен: 'голова-дно' менее понятен, чем 'дно головы', 'сторона тела' понятнее, чем 'тело-сторона'. В ряде случаев в дословном переводе встречаются неясности и неточности. Например, веко — Каз. *сэм хўльэм* 'глаз-б р о в ь'; нижнее веко — *сэм хўльэм илта пелэк* 'глаз-в е к о-снизу-сторона' (с. 24) — без каких-либо пояснений одно и то же слово переводится по-разному. Между тем В. Н. Соловар приводит каз. *сэм хўльэм* в значениях 'веко' и 'бровь', а отдельно *хўльэм* 'бровь' (Хантыйско-русский словарь, Санкт-Петербург 2006, с. 258, 306). На с. 25 компонент *илта* 'снизу' иногда переводится прилагательным: 'подглазничная область' — Шур. *сэм илта пелэк* 'н и ж н я я сторона глаза' вместо 'сторона снизу глаза'; нижний край глазницы — Шур. *сэм вўс илта пелэк* 'н и ж н е й стороны дыра глаза' вместо 'сторона снизу дыры глаза'; на с. 27 *илта* переведено предлогом: нижняя губа — Шур. *и л т а пелэк* —

(*л* в *пелэк* — опечатка, должно быть *л*) *торэп* 'п о д-сторона-губа', и *л т а торэп* 'п о д-губа'; то же на с. 28: Шур. *и л т а аңэн* 'п о д-подбородок'.

На с. 25 переносица Шур. *нёл вур* переводится 'нос-грива' без каких-либо пояснений, но здесь следовало бы отметить: *вур* 'грива леса', т. е. возвышенность, поросшая лесом, и далее учесть это название как метафорическое; здесь же название переносицы Каз. *нюл сурт* переведено как 'нос-пядь', в то время как *сурт* — это 'промежуток, перемычка' (В. Н. Соловар, Хантыйско-русский словарь, Санкт-Петербург 2006, с. 253; DEWOS 1375—1376), а значение 'пядь' вторично, лучше перевести 'промежуток (или перемычка) носа'. Поэтому и название плеча Шур. *кўл ёш сур* (с. 29) в покомпонентном переводе не 'толстый-рука-пядь', а 'толстый-рука-промежуток'.

Неясно, почему не попадает в классификацию каз. *путлау пәти* 'верхняя часть головы' букв. 'дно затылка' (В. Н. Соловар, Хантыйско-русский словарь, Санкт-Петербург 2006, с. 228) и не учитывается приведенное в том же источнике *путлау* 'затылок'.

Можно было бы указать еще на целый ряд моментов, требующих уточнения в дословном переводе приведенных сомонимов, а также в их графической передаче. Что касается графики, то данная работа еще раз показала острую необходимость скорейшей окончательной выработки единых правил хантыйского письма на основе кириллицы, чтобы, наконец, устранить до сих пор существующий разнобой.

Определив состав хантыйской соматической лексики, автор проводит статистический и историко-этимологический анализ сомонимов, выясняет их структурные и морфологические особенности. Дается сводная статистическая характеристика материала, рассматриваются особенности номинации, характерные для лексики этой тематической группы, обращается внимание на опосредованные номинации в данной сфере, особо выделяются об-

разные, табуированные названия частей тела медведя. Вместе с тем почему-то обойдено стороной такое интересное явление, как случаи многозначности хантыйских сомонимов. Да и способы номинации сомонимов, в том числе метафоризация, могли быть проработаны более глубоко. Представленный в работе материал позволяет это сделать. Например, если взять буквальный перевод названий той же переносицы, то в Сург. это 'середи́на носа', в Шур. и Каз. — 'пере́кладина носа', в Шур. также 'грива (букв. возвышенность с лесом) носа', наконец, в Шур. и Каз. еще и 'пере́мычка носа'.

Для понимания места анализируемых сомонимов в системе финно-угорской и уральской лексики важен параграф «Генезис хантыйской соматической лексики», выполненный на широком сопоставительном фоне. Очень показательна сравнительная таблица на с. 63, но хотелось бы заметить, что можно было не включать в таблицу группу слов со значением 'моча', поскольку это не сомоним; кроме того, в таблице есть неоправданные лакуны, например, не приведено венгерское соответствие для сомонима 'язык' (венг. *nyelv*).

В морфологической характеристике хантыйских сомонимов определяются их структурные типы (к сожалению, автор не приводит точные количественные данные по компонентному составу сомонимов); прослеживаются возможности образования имен прилагательных от сомонимов, показанные в замечательном приложении № 3; убедительно проведен анализ обязательных в речевом употреблении посессивных форм соматизмов, оформленных лично-притяжательными суффиксами.

Вторая глава (с. 79—108) посвящена сомонимам в других тематических группах хантыйской лексики. Для анализа взята лексика природы (фитонимы, зоонимы, неживая природа) и названия предметов материальной культуры. Выявляется состав сомонимов, наиболее часто ис-

пользуемых при создании вторичных номинаций. Здесь приводятся интересные примеры, позволяющие автору сделать вывод, что благодаря использованию сомонимической лексики в номинации различных природных и материальных объектов и реалий окружающего мира возникают яркие образы, отражающие особенности восприятия действительности народом ханты и специфику его традиционной культуры. В то же время привлечение аналогичного материала из других финно-угорских языков свидетельствует об общей типологии использования сомонимов при создании наименований в этих сферах лексики. Обращение к более широкому кругу языков позволило бы, наряду с выявлением специфических моментов, связанных с этничностью, говорить об общечеловеческой универсальности этого способа номинации, а также о развитии у некоторых сомонимов, например, таких, как *глаз, ухо, нога*, обобщающих значений и о стирании их метафоричности. Антропоцентризм проявляется в лексике любого языка, поскольку человек и части его тела представляют собой универсальный эталон для сравнения. Человеку всегда было свойственно соотносить себя и окружающий мир, ставя себя в центр этого мира. С другой стороны, в названиях самих частей тела и в других сомонимах встречаются обратные метафоры — основанные на сопоставлениях с реалиями природы. Хантыйский язык дает убедительные тому подтверждения.

В третьей главе (с. 109—143) — укреплении работы — представлен обширный материал по использованию соматической лексики в составе устойчивых сочетаний хантыйского языка. Большая часть этого материала собрана автором. З. С. Рябчиковой как носителю языка удалось посмотреть на хантыйскую фразеологию «изнутри» и показать, как соматизмы формируют ее семантическое и этнокультурное своеобразие, показать ту огромную роль, которую выполняет

соматическая лексика хантыйского языка в составе устойчивых сочетаний номинативного, коммуникативного и оценочного характера. Выявлены сомонимы, наиболее часто употребляющиеся во фразеологических единицах. Использование соматической лексики в составе фразеологизмов передает, как справедливо отмечает автор, специфику восприятия окружающей действительности народом ханты через познание человеком самого себя и через его отношение к природе и к обществу. Финно-угорские параллели, приведенные в этой главе, делают ее более убедительной. В качестве замечания укажем на порой неоправданно широкое понимание фразеологизма и включение в число рассматриваемых примеров некоторых антропонимов и топонимов.

В заключении (с. 144—150) обобщаются основные результаты работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения отраслевой лексики хантыйского языка. Как материал, так и выводы являются хорошей основой

для изучения хантыйской соматической лексики в иных аспектах, не затронутых в данной работе, для изучения других тематических групп хантыйской лексики, а также для проведения сопоставительных исследований с привлечением финно-угорских и не финно-угорских языков.

Следует признать, что несмотря на высказанные замечания, в целом работа З. С. Рябчиковой представляет собой актуальное, самостоятельное, законченное исследование и вносит важный вклад в изучение лексики и фразеологии хантыйского языка. Впервые вводится в научный оборот новый фактический материал. После незначительной доработки на основе исследования может быть подготовлена монография.

Т. Н. ДМИТРИЕВА (Екатеринбург)

Address:
Т. N. Dmitrijeva
Ural State University
E-mail: fasmer@yandex.ru